

ИЗ АРХИВА КУРОЧКИНСКОЙ „ИСКРЫ“

Сообщение Н. Быховского

Эпоха 60-х годов, давшая начало русской политической сатире, была вместе с тем и эпохой яркого расцвета ее. Боевым штабом политической сатиры была тогда газета «Искра», основанная, издававшаяся и редактировавшаяся В. С. Курочкиным.

«Искра» не удовлетворялась обличением тех или иных язв, тех или иных больших или малых «недостатков механизма», а беспощадно обрушивала удары своей сатиры на самые основы существующего строя и его господствующие классы — дворянство и буржуазию. Огонь своей сатиры она обрушивала и на либеральные элементы общества, предпочитавшие сделку с правительством народной революции, которой они всего больше страшились. Не менее беспощадна была «Искра» ко всякой беспочвенной маниловщине, половинчатости, компромиссам, постепенщине, а тем более к трусости и подхалимству.

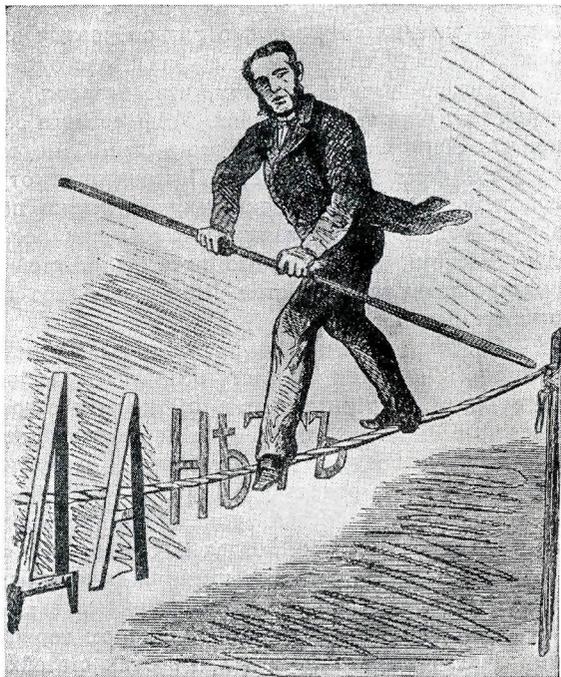
По направлению и социально-политическим устремлениям своим «Искра» примыкала к «Современнику». Сотрудники «Искры» сами признавали себя продолжателями славного дела «свистунов» из «Современника». «Искра» была богато иллюстрирована. Она давала не только портреты, метко характеризовавшие обличаемых ею в стихах и прозе персонажей, но и карикатуры, зачастую еще более меткие, чем портреты. Сатирический очерк с прозрачным вымыслом, сквозь который выглядывали подлинные лица и факты, острый анекдот из действительной жизни, поражавшей неограниченными возможностями самых анекдотических явлений, афоризм, пародия, «тонкий намек» на обстоятельства и факты, о которых прямо и открыто нельзя было говорить, — все это входило в богатый арсенал оружия «Искры».

Кадры ее главных сотрудников составляли радикальные разночинцы 60-х годов: братья Курочкины, М. И. Михайлов, Н. А. Демерт, Г. З. Елисеев, Г. Н. Жулев, Д. Д. Минаев, Н. и Г. Успенские, В. Шиглев и др. К своему делу эти люди относились с юношеской горячностью, как свидетельствует П. И. Вейнберг (Павел Виногоров), один из ближайших сотрудников «Искры». «Искра» была связана и с революционным подпольем. Известно, что В. С. Курочкин состоял членом «Земли и Воли» 60-х годов. Н. С. Курочкин и Елисеев были связаны с Н. Д. Ножиным. В эпоху «белого террора» они были арестованы, при чем главным обвинением против них было знакомство с безвременно умершим Ножиным.

Даже обличая отдельных представителей, охранителей и вдохновителей существующего порядка вещей за те или иные деяния их, «Искра» никогда не забывала, что дело не в отдельных лицах, а во всей системе в целом.

Обличительная сила «Искры» по отношению к тем, кто становился объектом ее обличения, была весьма велика. Попастъ в «Искру» было хуже, чем попастъ под суд. Из царского суда, при достаточных связях и влиянии, можно было выйти и сухим из воды. Кроме того, в суде, опять-таки при надлежащих связях и влиянии, все могло оставаться под спудом тайны, шито-крыто, между тем как суд «Искры» был гласный и всенародный. Клеймо, наложенное «Искрой», не только больно жгло, но и становилось известным и видным всем и было неизгладимым навсегда.

КАРИКАТУРА НА МИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. ВА-
ЛУЕВА ИЗ «ИСКРЫ». 1862 г.,
№ 21

Успех «Искры» был совершенно невиданный в России. «Не прошло двух-трех лет после начала издания ее, — вспоминает А. М. Скабичевский, — как «Искра» была в числе первых органов прессы в России. Она расходилась по всем городам; число подписчиков в счастливые годы у «Искры» насчитывалось более десяти тысяч, кроме того при каждом обличении провинциального скандала, масса экземпляров выписывалась городом, в котором произошел скандал. «Искра» делалась грозой для всех, у кого не чиста была совесть, — и попасть в «Искру», упечь в «Искру» было самым обыденным выражением в жизни 60-х годов»¹.

«Центром всех обличений стала «Искра», и Курочкин, редактор ее, занял роль как бы председателя суда общественного мнения», — писал Н. К. Михайловский, вспоминая эту эпоху². П. И. Вейнберг говорит, что «Искры» боялись все, имевшие основание предполагать, что они могут попасть или под карандаш ее карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков»³.

Современники сравнивали обличительную роль «Искры» с ролью «Колокола» Герцена. «Искра» играла в Петербурге как бы роль «Колокола», — пишет в своих воспоминаниях П. Д. Боборыкин⁴, и в этом сравнении, пожалуй, не было преувеличения. Разница между ними в этом отношении заключалась в том, что «Колокол», печатавшийся в Лондоне, вне досягаемости царской цензуры, мог все называть своими собственными именами, «Искра» же должна была прибегать к метафорам, псевдонимам и условному языку. «Колокол» печатал доставляемую его корреспондентами документацию из тайников правительственного аппарата о преступлениях и безобразиях, творившихся там. В «Искре» такой документальный материал подвергался сатирической обработке и появлялся в виде басен, пародий, эпиграмм, карикатур. И все это было так удачно, что все отлично узнавали, о ком или о чем идет речь, где и когда происходило данное событие или совершались подвиги того или иного столпа режима. Как и у «Колокола», у «Искры» были по всей России, во всех учреждениях верные друзья и доброжелатели, снабжавшие ее обличительным материалом.

Безымянные и бескорыстные корреспонденты ее по всем городам и весям

России сообщали ей о всех злоупотреблениях и безобразиях, совершаемых большими и малыми сатрапами, о разнообразных видах и формах эксплуатации, грабежа, надувательства воротил финансового и торгово-промышленного капитала.

«Искра» узнавала о том, что, казалось, было самым тщательным образом скрыто от взора посторонних. Удар ее бича зачастую раздавался так неожиданно, что ошеломял жертв этого удара. Само собой понятно, что благодаря этому у нее было много врагов. Пострадавшие от ее сатирических стрел чины всех ведомств, полицейские, архиереи, откупщики, подрядчики, банкиры засыпали цензурное ведомство и различные инстанции бесконечными жалобами на зловредную «Искру», подрывавшую престиж властей предрержащих и колебавшую социально-политические устои. Шеф жандармов писал об этом в своих ежегодных отчетах царю.

Особенную ненависть врагов «Искры» вызывал отдел «Нам пишут», потому что здесь главным образом обличались деяния провинциальных сатрапов. Защитники и покровители этих обиженных сатрапов в высших правительственных сферах решили покончить с этим архизловредным отделом. Министр народного просвещения представил Александру II следующие соображения о необходимости закрытия этого отдела⁵:

«В журнале «Искра» помещается постоянно в продолжение уже довольно долгого времени особый отдел под названием «Нам пишут», в котором рассказыываются под вымышленными именами мест и лиц, случившиеся, будто бы, в наших губерниях происшествия, большей частью в служебном мире, при чем, как лица, так и происшествия выставляются в самом карикатурном и часто совершенно ложном виде. Названия мест и лиц в этих статьях употребляются в разных номерах «Искры» для каждой местности те же самые, так что читатели, следящие внимательно за сим журналом, могут легко найти нить к приводимым рассказам; таким образом, действительно в публике уже составилась полная ключница к сим названиям, и все читатели знают, что, например, вместо Грязнослава, Крутогорска, Чернилина, должно читать Екатеринославль, Вятка, Чернигов. Появление в печати такого рода доносов, так сказать, привилегированных, ибо оклеветанное и опозоренное в них лицо не имеет никакой возможности ни оправдаться, ни защититься против возводимых на него обвинений, составляет беспримерный в истории литературы факт злоупотребления печатным словом». Александр II одобрил эти соображения надписью «Дельно». Эта царская резолюция покончила с «зловредным» отделом «Нам пишут», который был запрещен 3 июля 1862 г. Тем не менее М. М. Стопановский, который талантливо вел этот отдел, умудрялся продолжать его под разными другими названиями: «Сказки Шехеразеды» и т. п.

Обилие обличаемых в этом отделе персонажей и мест, где совершались их деяния, при невозможности, по цензурным условиям, называть их открыто, требовало закрепления за ними определенных псевдонимов или условных названий, присвоенных данному лицу, губернии или городу. Но чтобы помнить множество этих псевдонимов и условных названий, сама редакция должна была иметь своего рода «код». И такой «код», которым пользовались сотрудники «Искры», действительно существовал.

12 августа 1863 г. петербургский обер-полицеймейстер Анненков писал управляющему III отделением Потапову: «В настоящее время при разъединении всех секретных обществ, волновавших в прошлом году всю молодежь в Петербурге⁶, остались еще некоторые члены и представители известных кружков того времени и в числе их наиболее обращали на себя внимание вредным направлением следующие лица: редактор-издатель газеты «Искра» Курочкин, содержатель книжного магазина Гайдебуров, редактор и издатель журнала «Русского Слова» Благосветлов и бывший редактор журнала «Гудок» Иероглифов. Желая удостовериться в теперешней деятельности их, как издателей газет и журналов и типографий, я сделал, по соглашению с вашим превосходительством, в заведениях и квартирах их полицейский обыск 24 июля, при чем в бумагах и письмах их,

рассмотренных особо назначенной мною комиссией, не оказалось ничего подозрительного кроме нескольких писем и статей Преображенского, отличающихся не совсем благонамеренным характером. Препровождая их вашему превосходительству, я вместе с сим довел об этом до сведения его светлости С.-Петербургского военного генерал-губернатора.

Главный начальник III отделения шеф жандармов Долгоруков 19 августа отправил эти бумаги для нового, более тщательного, просмотра в следственную комиссию по делам о важнейших государственных преступлениях. Однако, следственная комиссия не нашла в этих бумагах ничего явно преступного, что можно было бы подвести под статьи Уложения о наказаниях. 31 августа председатель комиссии Ланской возвратил бумаги обратно III отделению. При этом Ланской писал, что в этих бумагах «не заключается ничего относящегося до производимых комиссией дел». Тем не менее, III отделение все же не возвратило Курочкину этих бумаг, а оставило их у себя. Среди этих бумаг было кое-что действительно интересное для III отделения. В делах его эти бумаги пролежали до сих пор.

В бумагах, взятых при обыске у В. С. Курочкина, оказались различные материалы из редакционного портфеля «Искры». Между ними обращает на себя внимание список, озаглавленный «Имена лиц и названия городов, принятых в «Искре». Это и был редакционный «код» «Искры». Кроме того, здесь имеются материалы, значительная часть которых, по цензурным условиям, не могла быть напечатана. Наконец, кое-что, может быть случайно, захвачено было из редакционных бумаг при обыске.

Наибольшую ценность для литературоведения и истории нашей общественности имеет указанный список, или «код». Он представляет собой ключ к обличительным материалам, печатавшимся в «Искре» за первые годы ее существования. Руководствуясь этим ключом, можно легко и точно расшифровать имена

КАРИКАТУРА ИЗ «ИСКРЫ»,
1860 г., № 40

лиц и названия городов и губерний, которые попадали в орбиту ее сатиры. Этот ключ дает возможность также установить факты и события той эпохи, привлекавшие общественное внимание и, вследствие этого, находившие свое отражение на страницах «Искры».

«Код» состоит из двух частей: в первой части в алфавитном порядке указаны условные названия губерний и городов. Во второй части указаны псевдонимы персонажей, главным образом провинциальных губернаторов, которых «Искра» жаловала своим вниманием. Давая условные названия губерниям и городам, «Искра» пользовалась созвучием, этнографическими, географическими, экономическими и национальными признаками и т. п. Иногда условные названия давались по гербу данной губернии или города, иногда это делалось обратной перестановкой букв, а в некоторых случаях и по фамилии главного административного лица, вершителя судеб данных мест. Так, например, Вильно имело условное название «Назимштадт» по фамилии виленского генерал-губернатора той эпохи генерала Назимова; Полтава носила название «Волчья Долина» по фамилии губернатора Волкова.

Псевдонимов имеется два списка. Первый из них включает генерал-губернаторов и губернаторов, второй — вице-губернаторов, градоначальников, начальников губернских учреждений (председателей казенных палат, управляющих палатами государственных имуществ), архиереев и т. п. Для псевдонимов пользовались или какими-нибудь характерными чертами данного персонажа, или прозрачным изменением его фамилии и т. п. Некоторые персонажи, удававшиеся частого фигурирования на страницах «Искры», имели несколько псевдонимов; так, например, полтавский губернатор Волков имел три псевдонима: Моншерск, Индюков, Фалькоф; харьковский губернатор Сиверс: Муходавлев, Отрепьев, Чичихин; казанский губернатор Козлянинов: Алтынников, Четвертаков. Некоторые губернии и города тоже имели несколько условных названий. Это делалось для отвода глаз цензуры, так как частое упоминание одного и того же псевдонима могло бы привлечь внимание цензурного ведомства. Псевдонимы эти и условные названия настолько усваивались, что в переписке между корреспондентами и редакцией «Искры» они вполне заменяли собственные имена и названия.

Из литературного материала, приводимого ниже, представляет интерес незаконченное сатирическое стихотворение Пр. Преображенского (Н. С. Курочкина) «Песнь мертвеца», посвященное официозной реакционной газете «Северная Пчела»⁸, с его же комментариями к этому стихотворению. Как стихотворение, так и еще в большей степени комментарии к нему отражают общественную и литературную злобу дня. Любопытны также несколько язвительных сентенций того же Преображенского. И «Песнь мертвеца» и сентенции писались в 1863 г. за границей, повидимому, в Париже, где был тогда Н. С. Курочкин. На том же листке почтовой бумаги, на котором написаны сентенции, имеется письмо Н. С. Курочкина к В. С. Курочкину. Из письма видно, что Н. С. Курочкин в то время переживал тяжелое состояние, вызванное какими-то обстоятельствами, повидимому, личного характера. Это состояние мешало ему писать. Но в момент, когда он писал это письмо, он уже чувствовал себя лучше и обещал доставлять литературный материал «аккуратно и постоянно». Он хотел ехать в Италию, но не мог выполнить этого желания, по недостатку средств. Именно в писаниях Преображенского и комиссия Анненкова нашла совсем благонамеренный характер».

Три стихотворения Ф. Вишневого «Аристократический мул», «На сердце тяжело» и «Просветление» являются удачными вольными переводами из Гейне. Первое из этих стихотворений, возможно, имело в виду кого-либо из представителей высших правящих сфер.

I. НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ И ИМЕНА ЛИЦ, ПРИНЯТЫЕ В «ИСКРЕ»

1. НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ

[А] Губернские

- Архангельск — А.
 Астрахань — Тьму Таракань, Корономеченск (по гербу).
 Бессарабская область Кишинев — Быкоголовск (по гербу).
 Вильно — Назимштадт.
 Владимир — В/К (Влад. на Клязьме).
 Вологда — Болотянск.
 Волинская губ. Житомир — Рожмир.
 Воронеж — Урожайск, Хлебородск.
 Вятка — Крутогорск.
 Гродно — Зубровск (по гербу).
 Дон. Войско Новочеркасск — Новотатарск.
 Екатеринослав — Красноорецк, Пустырск.
 Таганрог — Беловодск.
 Казань — Татарштадт, Чернозерск, Татарин.
 Киев — Фифиев.
 Кострома — Кутерьма.
 Курск — Куропатск.
 Минск — Глухоминск и Глухинск.
 Москва — Белокаменск.
 Нижний Новгород — Краснооленьевск (по гербу).
 Новгород — Ветхий город, Волхорецк.
 Оренбург — Обух
 Орел — Чепухинск.
 Пермь — Пильмень (местное).
 Подольская губ. — Каменец Подольск — Брауншвейг (по губернатору).
 Полтава — Пикогорск, Хохлово, Волчья Долина (по губернатору).
 Псков — Каменск.
 Рязань — Грязинск.
 Самара — Оленинск (по гербу).
 Санкт-Петербург — Тартараринск.
 Саратов — Угрюмск.
 Симбирск — Приволжск.
 Смоленск — Дегтярск.
 Таврич. губ. Симферополь — Цветолог.
 Тамбовск. губ. — Темниковская.
 Тверь — Ерь, Глупов.
 Харьков — Преизобильск.
 Херсон — Иерихон.
 Одесса — Приморск.
 Ярославль — Медведьск (по гербу).
 СИБИРЬ
 Тобольск — Арматурск (по гербу), Сплетницк.
 Томск — Златогорск, Чертогорск.
 Иркутск — Омут.
 КАВКАЗ
 Ставрополь — Крест город.
 Тифлис — Тиф.

[Б] Уездные

- Бендеры — Дребедень.
 Аккерман — Карман.

Суздаль — Хренов (по местной особенности).
 Шуя — Яуш.
 Александров — Телятин.
 Бобров — Соболев.
 Яранск — Яричинск.
 Бахмут — Горамут
 Ростов н/Д — Широдонск.
 Павлодар — Сидорштадт.
 Никополь — Перекаати-поле.
 Нерехта — Неряшинск.
 Белгород — Белосельск.
 Рыльск — Свинорыльск.
 Ливны — Почиваев.
 Фатеж — Хватеж.
 Мозырь — Пузырь.
 Речица — Цигер.
 Арзамас — Абракадабра.
 Устюжна — Утюг.
 Стерлитамак — Стерлядинск.
 Кунгур — Ругнук.
 Кременчуг — Чук.
 Золотоноша — Золотуха.
 Прилуки — Шелуха.
 Пирятин — Приятель.
 Опочка — Точка.
 Великие Луки — Длинные руки.
 Бугуруслан — Руслан.
 Шлиссельбург — Шпицбубенбург.
 Кронштадт — Соленоводск.
 Петровск — Петрославск.
 Сызрань — Нарзис.
 Белый — Черный.
 Поречье — Увечье.
 Феодосия — Непочатый угол.
 Славянск — Славяносельск.
 Валки — Палки.
 Изюм — Виноград.
 Старобельск — Старосельск.
 Берислав — Ухватислав.
 Нежин — Онегин.
 Конотоп — Волотоп.
 Рыбинск — Пудолинск [неразборчиво].
 Тара — Тарабарск.
 Омск — Фатюск, Огайск.
 Барнаул — Золотое Дно.

2. ЛИЦА

[А] Главнейшие

Муму — Псковский губернатор Муравьев.
 Раден — Курский губернатор Ден.
 Князь Чебикин — Чернигов. кн. Голицын.
 Водяной, подвозной — томск. губернатор Озеров.
 Диагональ — Зап. Сибирь, ген. губернатор Дюгамель.
 Ростегай — Астраханск. губ. — Дегай.

Ферфлюхтер — б. минский губернатор Келлер.
 Туз-Тузович — костромск. губернатор Родзевич.
 Тартюфкин, Андрей Степанович Бука — Пермский губернатор Лош-
 карев.

Фазтон-Юноша — Орловск. губернатор Левашов.
 Произвольский — Екатеринославский губернатор Извольский.
 Алтынников, Четвертаков — Казанский губернатор Козлянинов.
 Моншерск — Индюков, Фалькоф — Полтавск. губернатор Волков.
 Муходавлев, Отрепьев, Чичихин — Харьковск. губернатор граф Сиверс.
 Баклушин — Херсонск. губернатор Клушин.

[Б] Второстепенные

Рыков — Рылобойщиков, управляющий государственными имуществами
 Екатеринославской и Полтавской губерний — Каменьщиков.

Гребешкин — Полтавск. вице-губернатор Веселкин.

Щитков, Урываев — управляющий акцизными сборами на Юге Щербаков.

Бандуревский — председатель Екатеринославск. каз. палаты Андриев-
 ский.

Фон Томанович — Одесский градоначальник Антонович.

Кривопалкин — Одесск. городск. архитектор Денисенко.

Янкелев — управляющ. полтавской палатой государственных имуществ
 Яковлев.

Старец — Фараонов — Екатеринослав. архиерей Леонид.

Макар Галлилеянин — Новгородск. архиерей Макарий.

Анахорет Куцин — Рязанск. архиерей.

Лупилский — Минск. вице-губерн. Лучинский.

II. ПЕСНЬ МЕРТВЕЦА *

Пускай холодною землею
 Засыпан я.
 Я жив в тебе, я жив тобою
 «Пчела» моя.
 Я знал, перо из рук роняя,
 (Оставив свет)
 Что лишь с тобою, дорогая,
 Разлуки нет.
 Когда посулам обновленья
 Весь мир внимал,
 Я пред горнилом вдохновенья
 Не унывал!
 Я знал, что ты тогда лепила
 Свой «стол и дом»
 А «перлы» только затаила
 В улье своем!

Но часто в оны дни бывало,
 Не утаю,
 Меня и в пот и дрожь бросало
 За рысь твою.
 Статья о Вяземском, о Литке
 И ряд иных
 Мне мнились казнию в избытке
 Идей моих...
 Прожжен горячим языком их
 Я тосковал,
 Что я под маской черт знакомых
 Не узнавал.
 И признаюсь, разгорячился,
 Жилец могил,
 Я чуть в тебе не усомнился
 Прости!.. хватил.

Прошли года и мрака годы
 Гнилой прогресс
 [продолжения нет].

* Помещение в «Искре» этой баллады требует нескольких объяснительных слов. Всякому, следящему за русской литературой, известно, что «Северная Пчела», обязанная своей громкой известностью усердию и деятельности Ф. Булгарина⁸, несколько лет назад пыталась изменить своему исконному направлению, но скоро одумалась и вступила снова на свой обычный путь... Кто не помнит тех блистательных порываний, какими обнаружались ее потуги возвращения в первобытное состояние.

Статья, где она запугала общество, приписывая молодежи поджоги Щукина Двора⁹, пошлая клевета, как оказалось впоследствии, не умрет в русской литературе. И с тех пор было еще несколько порываний, по которым можно было догадываться, что она неустанно обдумывает какие-то усовершенствования во вкусе меда, приготовленного ею для годовой поставки своим подписчикам. Недавно она угостила публику первым образцом этого усовершенствованного приготовления и угостила на славу. Мы говорим о статье за подписью П. Л., в которой автор, по его словам, откинул всякие церемонии (а на самом деле всякое чувство литера-

турного и гражданского приличия), позволил себе бездоказательно оклеветать пред правительством и обществом писателей так называемого прогрессивного направления, обвиняя их голословно в фурьеровском социализме [неразборчивое слово], называя его социализмом, в атеизме и, что важнее всего, в революционных и республиканских стремлениях, т. е. просто в том, что по существующим законам подводит не только обвиняемых, но и цензуру, пропустившую их статьи, под уголовный суд. Статья эта превосходит все попытки в этом роде, которыми блистала древняя «Пчелка» и некоторые самоновейшие органы русской прессы в смысле давления. Она бы могла быть даже Chef d'oeuvre'ом, если бы автор потрудился к своим обвинениям подыскать статьи из свода законов, вроде того, как это совершенно было некогда (по поводу общественных гуляний) одним квартальным литератором из «Сына Отечества», кажется Соколовым или чуть ли не Свистуновым. Оставляя другим журналам подробное рассмотрение образцового, хоть не литературного произведения г-на П. Л., заметим только автору, вообще бесцеремонному и очень игриво употребляющему слова подло и глупо, что он, говоря о том, что «многие полагают, что довольно называться нигилистом, чтоб прикрыть этим название дурачка или плутишки» (о милый!), неправильно употребил свои грациозные существительные в уменьшительном виде, полагая, что усиливает этим заключающиеся в них понятия. Плут и дурак, как господин П. Л. должен был бы помнить, насколько не меньшая степень ругательства как плутишка и дурачок. Для чего же делать подобные промахи. Впрочем, П. Л. очевидно не литератор... Нам до него нет никакого дела. Во всей этой проделке нас интересует только сама «Пчела» и куда полетит она, легкокрылая, выпорхнув за геркулесовские столбы цинизма и нарушивши первоначальные условия, какими должна руководствоваться всякая литература, если бы она существовала даже у краснокожих. Это уже вовсе не последовательно. Это ложный донос, да еще возведенный в перл создания.

Пр. Преображенский

III. СЕНТЕНЦИИ

Я служу моему престолу, отечеству в кавалерии, следовательно ни одна женщина против меня не устоит.

Две три девушки замешались в такое дело, в каком мы таковых видеть не привыкли, следовательно необходимо для всех женщин закрыть доступ на лекции¹⁰.

Все знают, что в моем пиве кукольян — следовательно мне об этом следует молчать и не обращать на это никакого внимания.

Гласность, прогресс, цивилизация почти ни на волос не изменили рода дел в моем любящем отечестве, следовательно, все-таки с этими словами надо бороться.

Отцы не сумели дать детям не только хорошего направления, но даже не возбуждают видеть надлежащего к себе уважения, дети хоть что-нибудь хотят делать, а отцы не хотят даже ничего сделать, следовательно, отцы все-таки лучше детей.

Пр. Преображенский.

IV. [ПИСЬМО Н. С. КУРОЧКИНА В. С. КУРОЧКИНУ]

Любезный Вася, извини, что так долго не присылал [неразборчиво], но как сам увидишь, я извращался довольно ловко. Все это время для меня было тяжелое, болезненное, несчастное, теперь, кажется, могу, буду снова работать и сам увидишь пришлю много кой-чего и продолжение [неразборчиво] буду доставлять аккуратно постоянно. Я бы даже уехал в Италию,

кабы было с чем подняться, чтобы быть дальше от своих воспоминаний подлого *serc'se* [неразборчиво]. Тяжело, тоскливо и больше всего гадко. Впрочем, у тебя у самого вероятно, много скверного. Следовательно, предположи лучше, что мне хорошо. Корреспонденциям Елисеева помешали польские события, о другом говорить неловко, совестно, да и все газеты только отчетами о них и наполняются, а у вас, конечно, все лучше известно. Я потерял то письмо твое, где ты пишешь, в чьем доме живешь. Отпиши.

Мой новый адрес: Rue Pradier 7 v 3v.

V. [СТИХОТВОРЕНИЯ Ф. ВИШНЕВСКОГО]

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ МУЛ

Добрjak отец твой был осел,
 Как всем известно, безусловно,
 А мать кичливая твоя
 Была кобылой чистокровной.
 Итак ты мул и возражать
 Тебе на это нет причины.
 Но говорить ты можешь всем,
 Что ты породы лошадиной
 Что Буцефал был предок твой
 Что в панцърях и латах деды
 Твои под знаменем креста
 К святому гробу шли победой;

Что благородный гордый конь
 Есть в родословной вашей тоже
 Который под Готфридом был
 Когда вступал он в город божий.
 Прибавь, что дядя твой носил
 Боярда — рыцаря—Атланта,
 Что Дон Кихоту на войнах
 Служила тетка Росинанта.

Но что Серко-Санча сродни,
 Отвергну нагло, будь не трусом
 Не признавай и тех ослов,
 Что шли смирясь под Иисусом.
 Нет также нужды, чтоб вставлял
 В свой герб ослиное ты ухо,
 Цени погромче сам себя
 И знай что все поверят слуху.

На сердце тяжело и невольнo
 Жалею я о старине;
 Все в мире было так привольно
 И люди жили в тишине.
 Теперь порядок тот сменился
 И человек нуждой затерт;
 В небесах господь (Зевес) скончался
 И в преисподней умер чорт.

И все теперь такая гадость,
 Такая дрянь и гниль везде,
 Что не сули любовь нам радость,
 Приманки не было-б нигде.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Михель. Ты ли? Что за чудо?
 Ты сумел-таки понять,
 Что все лакомые блюда
 Запрещают вам вкушать!
 А в награду совершенство
 Сулят радость в том краю,
 Где бесплотное блаженство
 Варят ангелы в раю.
 Что же? Вера-ль ослабела,
 Иль сильней стал аппетит,
 Чашу жизни взял ты смело,
 Взор веселием горит!
 Михель, нечего страшиться!
 Наполняй смелей свой зоб,
 Все тогда переварится,
 Как тебя уложат в гроб!

Ф. Вишневецкий

19 октября, 1862 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы. 6-е изд., 1906, СПб, стр. 470.

² Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. Том I, 2-е изд., 1905, стр. 35.

³ П. И. Вейнберг. «Исторический Вестник», 1900, № 5.

⁴ П. Д. Боборыкин. За полвека. М.—Л. 1929, стр. 137.

⁵ Дело особой канцелярии министерства народного просвещения 1862 г. № 178. Цитируем по вступительной статье к сборнику «Поэты «Искры», стр. 44.

⁶ Речь идет о распространении летом 1862 г. в Петербурге прокламации «Молодая Россия» и других революционных изданий, раскрытии «карманной» типографии Баллода, в связи с которой арестован был Писарев и др., об аресте в то же время Чернышевского по доносу В. С. Костомарова, аресте Н. А. Серно-Соловьевича и др.

⁷ Центр. Архив Рев. Дело III отделения I эксп. 1863 г. № 97, часть II. О возмутительных воззваниях. Конверт с бумагами, взятыми у В. С. Курочкина.

⁸ «Северная Пчела» — газета, выходившая с 1825 г. по 1860 г., редактировалась Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. Газета пользовалась репутацией бесчестного, подкупного органа печати, прибегала к открытым доносам на неугодных лиц. В 1861—1864 гг. пыталась изменить направление, привлекая в качестве сотрудников Артура Бени, Дружинина и Н. С. Лескова, но и после этого не раз снова попадала на реакционную стезю, обвиняя студентов в петербургских пожарах 1862 г. и другими подобными статьями.

⁹ Шукин двор — рынок в Петербурге, сгоревший во время петербургского пожара 1862 г.

¹⁰ Имеется в виду запрещение женщинам посещать лекции в университетах, после обнаружения участия некоторых женщин в революционном движении